

вый план выдвигались проблемы земли и свободы, а не политической ориентации. Значительная часть крестьянства положительно восприняла их лозунги, отряды стали активно пополняться за счет местных жителей и если бы восстание не было подавлено на его начальной стадии, оно могло бы развернуться в широкое народное антикрепостническое движение, хотя и определенная часть населения встала на сторону властей. Подтверждением последнему является тот факт, что по итогам восстания в Могилеве 54 отличившихся в выявлении повстанцев были награждены медалями, из них 50 крестьян.

Использованная литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2001. – Оп. 2. – Д. 93. – Л. 51, 52.
2. Там же. – Ф. 2003. – Воп. 1. – Д. 279. – Л. 3,4.
3. Богданович, А. Мои воспоминания / А. Богданович // Нёман. – 1994. – № 5. – С. 53–57.
4. Крестьянское движение в Беларуси после отмены крепостного права (1861–1862 гг.). Документы и материалы. – Минск: Беларусь, 1959. – 532 с.
5. Восстание в Литве и Беларуси. 1863–1864 гг. Сборник документов. – М.: Наука, 1965. – 583 с.
6. Васілеўскі Д. Сялянства Віцебскай і Магілёўскай губернь у паўстанні 1863 г. – Польша, 1928. – № 6. – С. 151.
7. НИАБ. – Ф. 2001. – Оп. 2. – Д. 101. – Д. 2,3.
8. Аникиевич К.Т. Сенненский уезд Могилевской губернии / К.Т. Аникиевич. – Могилев: губернская типография, 1907. – 211 с.
9. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Крупскага раёна. – Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1999. – 640 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ АРМИИ НАПОЛЕОНА

Цинкевич А.А. г. Минск, БГУ

Несомненно, война 1812 г. оставила глубокий след в истории Беларуси. Однако большинство отечественных и зарубежных авторов, исследующих историю военной кампании 1812 г., обращают

своё внимание на боевые действия, вопросы законодательства, дипломатические отношения того времени. Но есть сюжеты, которые остаются малоисследованными. Одним из таких сюжетов остаётся проблема взаимоотношений населения белорусских губерний с военнопленными армии Наполеона. После войны 1812 г. на территории Российской империи остались десятки тысяч военнопленных, которые заняли особое место в общественной жизни государства. Люди с иным укладом жизни, иной культурой – как им жилось в чужой стране? Этот вопрос является одним из ключевых в исследовании проблем, связанных с военнопленными.

Отношение местного населения к солдатам армии Наполеона было различным. Хуже относились жители к лицам французской национальности, так как их считали врагами, которые принесли много несчастий их стране. Лучшее отношение было к представителям иных национальностей, так как народ считал, что они не по своей воле сражались на стороне Наполеона. На территории белорусских губерний отношение местного населения к военнопленным в большинстве своём было лояльным – им оказывалась посильная помощь: обогревали, обеспечивали пищей и кровом, скрывали от властей. Подобное поведение имело свои причины. Политические идеалы и симпатии значительной части населения земель бывшей Речи Посполитой носили ярко выраженный антироссийский характер. Накануне вторжения наполеоновских войск губернатор Литовской губернии доносил Министру полиции, что из дворян его губернии большая часть не расположена к российским властям, а другие колеблются, «юношество же и люди, не имеющие никакого состояния, в надеянии чем-либо воспользоваться» [2, с. 544]. Практически так же звучало и сообщение Гродненского гражданского губернатора: «В губернии всё тихо и спокойно; но при известной гибкости умов, при первом отступлении нашем от неприятеля внутрь, все против нас восстанут со всех сторон» [2, с. 544].

Лояльное отношение к военнопленным со стороны местного населения прослеживается на протяжении всего срока пленения. Из воспоминаний графа Карла фон Веделя следует, что его и ещё двадцать офицеров взяли в плен под Витебском. Расселили их в огромные дома без окон и дверей, где было невыносимо холодно. Однако, как далее вспоминает К. Ведель, «...сердце полицейского не устояло от жалости. Он пообещал нам починить окна и прислать ци-

рульника, а также умывальный таз, мыло и гребни и объявил, что с завтрашнего дня нам дадут мясное. Он сдержал слово... мы, наконец, были выбриты, острижены, умыты и причёсаны. Нам также прислали ещё столов, ножей, вилок и ложек, стаканов, ведро хорошего пива, соли, овсяной каши и столового масла» [5, с. 4].

Кроме того, местные жители брали некоторых военнопленных к себе на квартиру. Тот же К. Ведель попал на квартирование к ротмистру Козарину. Как вспоминает граф, «Козарин, человек уже немолодой, и жена его приняли нас (вместе с ним было ещё двое военнопленных – авт.), очень дружелюбно. Нам ежедневно выдавали определённое количество мяса, хлеба, круп, соли и полрубля; мы всю эту провизию передавали своему хозяину, который взамен этого принимал нас к своему столу, где нас кормили простой, здоровой пищей, очень нам нравившейся» [5, с. 8].

Приведём ещё примеры отношения местного населения к поверженному противнику. Пржецлавский О.А. вспоминает: «С самой весны 1813 г. стали появляться на помещичьих дворах по одному, а иногда по нескольку бродячих французских солдат и офицеров *traindards*, уцелевших от разгрома большой армии. <...> Запрещено было давать пристанище французским тренарам, а велено доставлять к ближайшим воинским командам. Этого, разумеется, никто не делал, да и власть смотрела сквозь пальцы на неисполнение приказа и забирала только тех, которые попадались ей в руки» [6, с. 41].

Пржецлавский О.А. далее вспоминает: «Я знал одного капитана... он жил более года, не помню у кого, в Новогрудском уезде, но бывал и в нашем доме. Это был умный, образованный человек, давал уроки французской литературы и математики» [6, с. 41].

Сочувственное отношение к военнопленным можно встретить и в ряде других источников. Так, военнопленный Шарль Морель в своём прошении о принятии его в российское подданство сообщал Витебскому гражданскому губернатору о том, что после того, как его доставили в Витебск, то он был «призрён супругою нынешней моей из последнего её достатка». Старший учитель Витебской гимназии И. Кульматицкий принял в своём доме пленного солдата Андреа Росси [6, с. 42].

Кроме того, военнопленных использовали и в трудовом отношении, помогая им таким образом влиться в обычную жизнь. Мно-

гие военнопленные были весьма образованными людьми, поэтому местное население нередко нанимало их на работу в качестве учителей математики и французского языка, гувернёров. Необходимо также отметить, что им за выполненную работу платили деньги такие же, как и местному населению. Однако чтобы военнопленные могли определиться, какую профессию они выберут официально, их разделили на категории.

К первой категории были отнесены поляки, которых должны были отправить для укомплектования полков на Кавказ, в Грузию и на Сибирскую линию. Вторую группу составляли пленные, желавшие поступить на работу по своим гражданским профессиям, определиться на заводы и фабрики «за обыкновенную плату или содержание, какое получают работники и мастеровые тех ремёсел, к которым они употреблены быть могут» [4, л. 156]. Пленным-земледельцам, которые составляли третью группу, предлагалось поселиться между колонистами Саратовской и Екатеринославской губерний, «где, на первый случай, зарабатывали бы они себе содержание в домах поселенцев, которые принять их согласятся; а со временем, могли бы и сами получить участки земли для заселения, без всякой от казны денежной ссуды» [4, л. 157]. Четвёртая группа – прочие военнопленные, которые «по привычке ли к солдатской жизни, или по неспособности к трудам другого рода оставаться будут в числе военнопленных, могут быть употреблены для облегчения их содержания на разнообразные простые работы в Москве и других городах, при исправлении и перестройках разрушенных домов» [4, л. 158].

Нужно отметить, что на территории Беларуси самыми востребованными оказались военнопленные, которые хорошо знали грамоту и могли обучать более состоятельное местное население французскому языку и литературе, тем более, что в условиях войны на территории западных губерний оказались десятки тысяч военнопленных, готовых за кров и пищу учить французскому языку. В это время русская знать культивировала любовь к французскому языку и литературе и интересовалась пленными именно по этой причине [1, с. 53]. Таким образом, был легализован физический и интеллектуальный труд военнопленных, который уже применялся как местными властями, так и частными лицами, в первую очередь, помещиками.

Однако не стоит идеализировать отношения между пленными и местными жителями. Распространёнными происшествиями были драки пленных с населением, большинство из которых происходило в состоянии алкогольного опьянения. Чаще всего дрались солдаты с крестьянами, хотя отмечались и столкновения с участием военнопленных офицеров. Не исключением были драки пленных между собой. Так, «военнопленный итальянец Доминик Перикль причинил своему товарищу французу Мишелю Игнику три раны, который на допросе показал, что был обижаем от Мишеля Игника не раз, особенно когда они встречались в хмельном образе. Но раны оказались не опасны для жизни, а Доминик Перикль взят под стражу для суда» [3, л. 76].

Во время нахождения в плену многие французские офицеры влюблялись в белорусских девушек, что, конечно, не могло не повлиять на их дальнейшую судьбу. Они принимали подданство Российской империи и оставались жить на её территории либо увозили жён с собой во Францию. Таков был случай с офицером Жоржем Корье, который был взят в плен в Могилёве, а при прохождении через Минскую губернию в местечке Радошковичи познакомился и влюбился в местную жительницу Екатерину Прокопович и в итоге увёз её во Францию [7, с. 163].

Жители белорусских губерний были толерантны и в религиозном отношении, поэтому оставшиеся военнопленные могли спокойно посещать костёлы.

Лояльное отношение белорусского населения к военнопленным заставляло нервничать губернские власти. А жёсткая реакция Александра I по отношению к местному населению не заставила себя долго ждать. Например, в июле 1813 г. М. Барклай де Толли указал губернатору Минской губернии, чтобы были наказаны все люди, которые укрывают военнопленных, а также оружие. Судить их было приказано военным, а не гражданским судом, потому что «последний, производясь медленно, не может иметь того на умы действия, которое произведёт суд военный, когда оный со всею строгостью и скоростью совершаем будет». На основании этого приказа с августа 1813 г. по февраль 1814 г. было взято под стражу для предания военному суду 29 человек, из них 19 осуждено за помощь и укрывательство военнопленных. По этому поводу Бенкендорф А.Х. заметил: «Дворяне этих губерний Белоруссии, которые всегда были

поддонками польского дворянства, дорого заплатили за желание освободиться от русского владычества» [6, с. 43].

Таким образом, население белорусских губерний проявило довольно лояльное отношение к военнопленным армии Наполеона. Это происходило как в силу политических причин, так и вследствие характера и менталитета белорусского народа. Политические причины были обусловлены недовольством жителей белорусских губерний, которые не дождались отмены крепостного права, а также всё возрастающими налогами. А население белорусских земель относилось к военнопленным по принципу: «вы не повинны в ужасах этой несправедливой войны. На него (авт. – Наполеона) мы желаем обратить свой гнев, а не на несчастных пленных» [5, с. 8]. Белорусам на протяжении всей истории было присуще чувство сострадания, толерантности и веротерпимости по отношению к другим народам.

Использованная литература

1. Бокур, Ф. Пленные Великой армии Наполеона в России в 1812-1814 гг. / Ф. Бокур // 185 лет Отечественной войне 1812 года: Сборник статей. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. – С. 47 – 60.
2. Дубровин, Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Н.Ф. Дубровин. – Санкт-Петербург: Издательство ДНК, 2007. – 646 с.
3. НИАБ в г. Минске. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 5123. Витебская городская управа. Дело о пленных, пойманных из бегов и отданных под суд. – 109 л.
4. НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 101. Указы правительствующего Сената и циркуляры Департамента Полиции. – в 2 ч. – Ч. 1. – 511 л.
5. О пребывании в плену в Витебске в 1812 и 1813 годах иностранцев-офицеров Наполеоновской армии (извлечено из записок графа Карла фон Веделя) / Пер. К.А. Хрептовича-Бутенёва. – Б. м., Б. г. – 25 с.
6. Самович, А.Л. Военнопленные наполеоновских войн в западных губерниях России / А.Л. Самович. – Минск: Минсктиппроект, 2008. – 85 с.
6. Черепица, В.Н. Не потерять связующую нить. История Гроденщины XIX–XX столетий в событиях и лицах / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – с. 152–163.